

Миры Алексея Уткина

ИМЯ В ИСКУССТВЕ

В выставочном зале открыта выставка, посвящённая 75-летию Ярославского союза художников, одного из старейших в России. История его написана картинами и гравюрами художников разных поколений. Среди экспонатов – гравюра Алексея Уткина.

Эту гравюру можно рассматривать бесконечно. Она сделана на металле, штрихи и узоры её необыкновенно тонки. Чем дальше смотришь, тем больше замечаешь. На первом плане – странник у костра, на котором что-то варится в котелке. Странник в лаптях, в армяке, с волосами, перехваченными ремешком. Он утомлён и задумчив. Палкой пошевеливает угли в костре. А за спиной его море и впадающая в него река, на другом берегу которой проходит таинственная и удивительная жизнь. За деревянной крепкой стеной с закрытыми воротами вокруг многоглавой церковки ютятся терема – все разные, сказочно красивые, с башенками и галереями. Повыше в горах – сторожевая башня, за дальним ущельем кровли ещё одного селения. А в море то ли подходит к берегу, то ли уходит от него ладья под парусом с изображением солнца. Видны каждая травинка, каждый сучок на дереве у костра, каждое окошко в светлицах. Непонятно, то ли уходит странник из своего города, то ли откладывает свой приход в него... Автор – ювелир и художник Алексей Уткин.

И вдруг реальная картинка из жизни, принесённая добрым другом, ученицей Алексея ювелиром Надеждой Мильто. Фотографию делал её муж Владимир, когда втроем они ездили за клюквой в дремучие солигаличские леса. Такой же костёр с котелками. Алёша точно в такой же позе, как странник, совсем ещё молодой, с длинными волнистыми волосами сидит за дымовой завесой. Взгляд устремлён на человека перед ним, охотника, который проживал в этой глухомани в полуразвалившейся избушке. О чём шёл разговор, о чём думал художник Уткин, по словам всех, решительно не умеющий «отдыхать»? Ответ частично предлагает сделанная приблизительно в то же время гравюра.

Алёши нет уже пятнадцать лет. Но Надя, как и все знакомые Уткина, живо помнит всё, что касается этого человека.

Она приехала в Ярославль совсем девочкой. Встретилась с Галиной Уткиной, с которой училась в Костромском художественном училище. И работать им довелось вместе – в бюро эстетики завода дизельной аппаратуры. А дальше жизнь семьи Мильто надолго переплелась с семьёй Уткиных. Володя Мильто был человеком техники, заканчивал Рыбинский авиационный институт, увлекался авиамоделированием, был даже чемпионом области. А ювелирное дело много общих граней имеет с метал-

лообработкой – плавка металла, отливка, протяжка проволоки, чертежи, штампы, пайка. На этой почве, говорит Надя, мужчины и сдружились. А потом случилось то, что должно было случиться, Володя увлёкся ювелирным искусством.

Жили тогда Уткины в небольшой квартире, кладовка которой была превращена в мастерскую. Для каждого мастера это неприкосновенный мирок: там инструменты, серебро и камни, свои приёмы. Только не для Алексея Уткина. Он для друзей широко открывал душу, а уж мастерскую тем более. Многие годы Надя и Владимир приходили работать сюда, а потом до утра говорили о тайнах металла, о скани и перегородчатой эмали, тогдашнем главном увлечении Алексея.

И дни рождения встречали вместе и тоже засиживались до рассвета. Алкоголь Алексея не привлекал совсем, а вот курил он без перерыва.

Когда Алексея приняли в Союз художников и выделили мастерскую, условий для общения стало гораздо больше. Хозяин гостеприимно приглашал к себе всех, кто ещё не был устроено в Ярославле, и – что уже совсем удивительно – щедро разрешал работать на всех сво-

их приспособлениях: сверлильном станке, прессе, фильере. Володя как самый близкий друг получал ключ от мастерской.

И стала эта мастерская домом для становления ярославской ювелирной школы. Прошли через неё Лёшек Кульнис, теперь живущий в Америке, Алек-

кина всегда стягивались люди – он привлекал своим талантом и добротой, его привлекали интересные люди. Близки ему были отец и сын Бороздинские, прекрасный художник Спартак Глушков с семьёй, мать и сын-ювелир Васильевы, журналисты Юрий Черняк и Алексей Ковалёв... Он быстро сблизился и с охотой помогал другим в искусстве, в авторских делах. Добился, чтобы жена Галина закончила Красносельское училище и стала его помощницей. Он восстановил забытую нынешними ювелирами древнюю перегородчатую эмаль и научил работать с ней всех желающих. Отдыхал как-то в Плесе, увидел безногого ветерана, ремонтировавшего дом, и тут же предложил свою помощь.

Ему напоминали о его собственном нездоровье – подводило сердце, он отмахивался, он торопился жить: больше сделать, больше узнать, кому-то ещё помочь. Его колье, броши, серьги с особым удовольствием носят женщины. На одной из предпоследних выставок экспонировал он великолепное колье и пояс из синих камней и серебра – заказ Галины Вишневской. Потом колье уехало...

Но уже наступали перестроечные чёрные дни. Уткиным, как и всем ювелирам, приходилось плохо. Люди забывали об украшениях, экономили деньги на хлеб. Тогда, видно, и вернулся Алексей к давнишней мечте – ему всегда хотелось побывать в Австралии. Там, наверное, спокойно... Даже додумать не успел. Сердце остановилось совсем у молодого мужчины. Разошлись по рукам его инструменты и приспособления. Повзрослели Дима и Полина Уткины. Но не у нас, а в Новой Зеландии. Из города Веллингтона приходят редкие весточки. В письмах – весёлые мелочи. На фотографиях – красивые благополучные лица. Младший Бороздинский – Михаил, художник, как-то сказал: когда Дима звонит ему по старой дружбе из новозеландского далёка, через океаны и континенты вдруг приплывает Димин мягкий тенор: «Как упоительны в России вечера...»

А на Игнатовском кладбище друзьями и коллегами установлен памятник с барельефом Алексея Уткина. Под ним – штихель, самый необходимый инструмент для ювелиров и графиков, помогающий выполнять самые тонкие операции.

Надо сказать, что вокруг Ут-

Инна КОПЫЛОВА.